

Анатолий Юрьевич АВРУТИН

родился в 1948 году в г. Минске.

Окончил исторический факультет Белорусского госуниверситета.
Автор полутора десятков поэтических сборников,
в том числе и на белорусском языке (в переводах).

Является составителем антологии

«Современная русская поэзия Беларуси» (2003).

Награжден медалями Франциска Скорины, Золотой Есенинской,
им. Михаила Шолохова, им. Мусы Джалиля
и белорусского Союза кинематографистов

«За выдающиеся заслуги в белорусском кинематографе».

Стихи и переводы публиковались
во многих белорусских, российских
и зарубежных газетах, журналах и антологиях.

**Анатолий
АВРУТИН**

г. Минск

«В сердце бродят

* * *

В сердце бродят стихи...
Не поверишь, но все еще бродят.
Хоть поблекли афиши и поздние звезды тихи.
И пора б не бродить, и пора б успокоиться вроде...
Но, как пенная брага, в предсердии бродят стихи.

И я – вечный батрак все того же презренного слова,
Что придет и раздавит, а после – поднимет опять.
Всё пытаюсь писать... Поднимаюсь и падаю снова,
Всё пишу и пишу те слова, что нельзя написать.

Что-то ухнет в ночи,
Полыхнет на полнеба зарница,
И тяжелое слово набухнет, как будто зерно.
Хоть пиши – не пиши, ничего и нигде не случится:
И душа отгорела, и слову не верят давно.

И тропы не видать – всё ухабы, разломы, овраги,
А скользя по оврагу, не больно-то строчку шепнешь...
Но не станет стихов – и не станет ни хлеба, ни браги,
И померкнут рассветы, и рано осыплется рожь.

Потому и кричу, что до неба нельзя докричаться,
Потому и пытаюсь дозваться ушедших навек,
Что сквозь толщу веков лишь зерно и строка золотятся,
Лишь с зерном и строкой понимаешь, что ты – человек...

стихи...»

* * *

Так сладко, что даже больно,
Так больно, что даже сладко.
Ты волю свою невольню
Зажмешь в кулаке украдкой.

Зачем-то цветок уронишь
На серое одеяльце,
Зачем-то на стенке тронешь
Следы от холодных пальцев.

И взгляд отведя остылый
От света, что бьет сквозь щёлку,
Подумаешь – что там было
Так сладостно?.. Так недолго?..

* * *

Мне казалось, что время проходит,
 Понял — нет, это я прохожу.
 Мимо судеб, историй, мелодий,
 Мимо мчащихся по выражу
 Сумасбродных, ликующих жизнью,
 Самовластно затоптанных в грязь...
 Это я прохожу по Отчизне,
 Хоть она по мне тоже прошла.
 Всё — стремительно, всё — быстротечно:
 Крик младенца... И вдовушки крик.
 И мелькает мгновенная вечность,
 И навеки — единственный миг.

* * *

Служил у белых... Умница... Хирург.
 А в сорок первом, с заградным отрядом,
 Под Ленинградом пал за Петербург,
 Все ж для него не ставший Ленинградом.

А сын дожил... По Невскому бредет
 В ободранном пальто и старых бурках.
 И Ленинградом Петербург зовет —
 Не говорите с ним о Петербурге!

Он с новым Петербургом не знаком,
 Он про Финляндский... Броневики:
 «Эх, людцы!..»

И Медный всадник с тем броневикиком
 Который год никак не разминутся.

Так и текут — мир этот в мир иной —
 Одна печаль, но разные дороги.
 И чудятся над вздыбленной Невой
 Два города... Два мира... Две тревоги...

* * *

И небо туманно, и люди ушли на закат,
 И мысли схлестнулись в каком-то неведомом споре,
 И вечер подлунный пустыми надеждами смят,
 Что станут совсем безнадежными мыслями вскоре.

И не о ком думать, и не о чем, не о чем петь,
 Последние вестки куда-то бегут врасыпную.
 А хочется все же к обедне вначале поспеть
 И только потом отправляться на землю иную...

Как зыбко дыханье! Как зыбок измученный свет,
 Что нехотя льется сквозь эту обвисшую штору...
 И нету восторга, и ужаса, ужаса нет,
 Что часто является в эту напрасную пору.

Всё замерло — ветви, пружина в стоящих часах,
 Напрасный упрек в обвинениях бывшему другу...
 Засохшей полынью измученный воздух пропах,
 И ворот застегнут, да так, что дыханию туго.

Измята подушка... Неубранный, с крошками, стол.
 Чуть звякает время, сползая на мокрые блюда.
 Все так же, как было... Но чудится — кто-то ушел,
 Захлопнул замок и, конечно, не сможет вернуться.